

Ецзяотэн, также известный как Хэшоуу. Если такому растению дать набраться сил долгие годы, оно превращается в истинное сокровище.

Тао Цинъюй старательно разрывал мотыгой верхний слой почвы, под которым обнаружилась россыпь крупных и мелких камней. Хэшоуу любил селиться именно в таких расщелинах, поэтому юноша отложил инструмент и принялся за работу, вооружившись лишь острой бамбуковой щепой.

Прошло не меньше получаса, прежде чем он закончил.

Фан Вэньли, наблюдая за тем, с каким упоением юноша отдаётся делу, даже не пытался его подменить — знал, что тот не позволит. Ему оставалось лишь стоять рядом и помогать, отгребая в сторону разрыхленную землю.

Наконец на свет показался корень размером с хорошую ладонь. Цинъюй даже не стал очищать его от налипшей грязи; прикинув, что в находке не меньше двух цзиней веса, он прижал её к себе и счастливо заулыбался. Заметив, что Вэньли протягивает руку, юноша тут же поспешно и бережно спрятал корень в корзину.

— Вот и деньги на мальков нашлись! — ликовал он. — Этому корню никак не меньше двадцатитридцати лет, за него дадут добрую горсть серебра.

— Неужели прошлые запасы уже кончились? — поинтересовался Вэньли.

Цинъюй вытряхнул землю, набившуюся в рукава, отряхнул испачканную одежду и, не сдерживая радостной улыбки, ответил:

— Нет, что ты. Но те деньги я берегу на лечение отца.

Вэньли поманил гээра к себе. Тот в недоумении подошёл ближе и почувствовал, как щеки коснулось что-то мягкое. Цинъюй замер, во все глаза глядя на спутника.

— Испачкался, — спокойно пояснил Вэньли. — У меня ведь тоже есть серебро, если понадобится.

Цинъюй отпрянул, поспешно вытирая лицо рукавом, словно пытаясь стереть само ощущение чужого прикосновения.

— Негоже в долги влезать, — пробурчал он под нос.

— Почему же? Можно.

— Но когда я раньше просил займы, ты ведь отказал! — возмутился Цинъюй.

В глазах Вэньли промелькнуло лукавство. Он потёр кончики пальцев и негромко рассмеялся:

— То было раньше. Теперь же времена переменялись.

— И какая в том разница? — Цинъюй хмыкнул, но тут же весело улыбнулся. — Твои закрома, может, и полны, но я не собираюсь становиться бездонной ямой. Уж на это-то я и сам заработаю.

Опасаясь, как бы ценные травы в корзине не помялись, юноша набрал охапку сухих листьев и аккуратно выстлал ими дно, надёжно закрепив находки. Закончив, он поднял голову, всматриваясь в солнечные лучи, пробивающиеся сквозь переплетение ветвей.

— Солнце уже клонится к закату.

Вэньли поднялся и, подхватив корзину, закинул её за плечи.

— Проверим ловушки — и домой?

— А ты разве не проголодался?

Цинъюй сощурился под косыми лучами. В лесу было влажно, и солнечный свет, окутывающий тело мягким золотистым пухом, казался особенно тёплым.

— Тогда поищем место, где можно перекусить, — согласился Вэньли.

Они двинулись на свет и вскоре вышли на небольшую расчищенную поляну. Набросав на землю сухой листвы, молодые люди присели отдохнуть.

— Держи, — Цинъюй протянул спутнику мясной блинчик.

— И для меня нашлось? — удивился Вэньли.

Юноша с деланной досадой проворчал:

— Папочка У узнал, что ты идёшь со мной, и специально напёк.

Вэньли мягко улыбнулся:

— Тогда передай дяде Фан мою благодарность.

Циньюй вгрызся в свой блин. Тот был приготовлен почти без масла, и в остывшем виде обладал своим, особым вкусом. Опасаясь, как бы такой изнеженный господин, как Фан Вэньли, не занемог от холодной еды, Циньюй протянул ему флягу.

— Запивай тёплой водой.

— А ты?

Юноша буквально впихнул флягу ему в руки.

— Да что ты заладил: «а ты», «а ты»! Ешь давай!

Вэньли замер, пристально глядя на него. Циньюй почувствовал, как к лицу приливает жар — до него только сейчас дошло, как грубо прозвучали его слова. Он молча отвернулся и принялся жевать свой блин, сидя спиной к Вэньли, точь-в-точь как обиженный кот.

Послышался тихий смешок.

«Чего смешного-то?! Совсем не весело!»

Циньюй неловко заёрзал, краснея ещё сильнее. Серdito проглотив несколько крупных кусков, юноша поперхнулся и принялся хлопать себя по груди. Кто-то осторожно потянул его за край одежды — сомневаться не приходилось, это был Вэньли.

— Попей воды.

Сделав вид, будто ничего не произошло, Циньюй обернулся и сделал жадный глоток. Наконец сумев проглотить кусок, он облегчённо выдохнул.

Вокруг стеной стоял густой лес, и только этот клочок земли был залит светом. Юноша окинул взглядом Вэньли, который в лучах солнца будто сам светился изнутри, и заметил:

— Знаешь, я понял: как только ты со мной идёшь, мне сразу начинает везти.

Уголки губ Вэньли поползли вверх.

— Раньше тебе такое не попадалось?

— Находил, и не раз, но всё больше травы дешёвые.

Юноша машинально ухватился за лиану, свисавшую с ближайшего ствола, поднёс её к глазам, и его взгляд мгновенно заискрился, как россыпь звёзд.

— Гляди-ка, Цзисюэтэн! — воскликнул он, тщетно пытаясь сохранить спокойствие.

Вэньли лишь беспомощно улыбнулся в ответ.

— Сначала доешь.

Цинъюй поспешно расправился с блином и, легонько подтолкнув Вэньли плечом, спросил:

— Если у тебя в следующий раз будет время, ходим в горы вместе?

— Разумеется, — отозвался тот.

Раз появилось дело, Цинъюй в несколько укусов доел остатки обеда. Вэньли достал из корзины нож, и юноша тут же принялся за работу. На срезе стебли Цзисюэтэна — спатолобуса — окрашивались в кроваво-красный цвет. Этой лианы в лесу было в избытке, поэтому ценилась она невысоко, но Цинъюй не собирался упускать добычу.

Когда корзина наполнилась доверху, они засобирались в обратный путь. То и дело отвлекаясь на попадающиеся по дороге травы, молодые люди добрались до ловушек лишь тогда, когда последние лучи солнца окончательно угасли.

— Скоро совсем стемнеет, — заметил Вэньли.

— У нас есть ещё час, — прикинул Цинъюй. — Давай разойдёмся и посмотрим, попалось ли что-нибудь.

Обычно охотники проверяют силки лишь через несколько дней. Но поскольку они редко выбирались так глубоко в горы, нужно было забрать добычу сразу. Цинъюй осмотрел две вырытые им ямы: трава над ними лежала нетронутой — пусто.

Зато со стороны Вэньли донеслось громкое хлопанье крыльев и кудахтанье дикого фазана. Юноша с радостным криком бросился к нему, но Вэньли внезапно перехватил его за талию и буквально перенёс себе за спину.

— Осторожно, чуть сам в силки не угодил.

Цинъюй посмотрел под ноги.

— Зачем же так густо их ставить?

— Лишь бы ловилось, — усмехнулся Вэньли, демонстрируя добычу.

Глаза Цинъюя азартно блеснули.

— Сегодня у нас будет пир!

— И мне перепадёт? — поддразнил его учитель.

Юноша расплылся в улыбке:

— Твоя добыча — тебе и есть. Живо, собираем вещи и уходим!

Поймать целого фазана было большой удачей. Цинъюй был безмерно доволен, и даже с тяжёлой ношей его шаг оставался лёгким и быстрым. Вэньли взял на себя большую часть груза, и они снова двинулись в путь — на этот раз учитель шёл впереди, а юноша следовал за ним.

Звёзды уже всюду рассыпались по небосклону, когда они, наконец, достигли ворот дома Тао. Фан У уже всюду высматривал их у калитки и, завидев знакомые силуэты, бросился навстречу:

— Ну наконец-то! Ещё немного — и я бы сам в лес пошёл вас искать.

— Сказал же: вернусь засветло, значит, вернусь, — отозвался Цинъюй. На его лице читалась усталость, но улыбку скрыть было невозможно.

— Идите скорее в дом, присядьте, отдохните.

Маленький Цинцзя, завидев их, тут же взобрался на стул и принялся старательно разливать воду по чашкам.

— Старший брат, Гэфу, попейте чаю.

— Господин, Хозяин Сяо Юй! Скорее отведайте, только-только из котла, горячий бульон! — А Сю, не успели они допить чай, уже спешил к ним с дымящимися мисками.

— А Сю? Ты чего это на кухне забыл? — удивился Цинъюй.

Тот лишь весело рассмеялся:

— Делать всё равно было нечего, вот я и решил подсобить папочке У да дяде Яну. Кстати! Сегодня заходил доктор Чжоу. Сказал, что дядя Тао вполне может прийти в себя в первой половине года!

Рука Цинъюя дрогнула. Благо, Вэньли вовремя поддержал его, иначе горячий бульон расплескался бы по всему столу.

— Неужели правда?..

— Истинная правда, — подтвердил А Сю.

Стоявший рядом Фан У с покрасневшими глазами молча кивнул сыну. Губы Цинъюя задрожали, и на лице медленно расцвела робкая улыбка.

— Значит, скоро очнётся...

Вэньли забрал у него миску, поставил её на стол и крепко сжал запястье юноши.

— Не волнуйся. Это ведь радостная весть.

Цинъюй внезапно вскочил:

— Пойду к отцу!

Вэньли, немного подумав, последовал за ним. Фан У, заметив это, украдкой смахнул слезу и с улыбкой поспешил хлопотать у плиты. Сегодня был особенный день: курица уже давно томилась в котле, а из добытого фазана решили приготовить острое мясо. Нужно было отпраздновать как следует.

В комнате Тао Синъюна.

Цинъюй опустился на колени у кровати и крепко сжал исхудавшую руку отца. Он несколько раз позвал его, но тот не отозвался. Улыбка на лице юноши слегка померкла, и он замер, припав к краю постели.

Вэньли легонько коснулся его плеча.

— Не торопись.

Циньюй не поднимал головы, неловко вытирая лицо.

— Отец, меня сегодня дома не было. Я в горы ходил, мы нашли ценные травы и даже фазана принесли... По дороге ещё зайца видели, да только тощий он был, совсем невкусный, вот мы его и не тронули...

Вэньли молча стоял рядом. Когда юноша закончил в подробностях пересказывать отцу события дня, он поднял голову — глаза его были на мокром месте.

— Ну вот, я всё рассказал. Пойдем отсюда, — улыбнулся Циньюй.

«Пойдем».

Всего один поход в лес, а юноша, кажется, стал относиться к нему ещё теплее. Вэньли был этому только рад, но на сердце у него всё равно скребли кошки. Этот гээр был слишком доверчив. Приди на его место кто-то другой, прояви такое же участие несколько раз, и он бы тоже...

Взгляд Вэньли мгновенно потемнел от тяжёлых мыслей.

— Фан Вэньли? — юноша потянул его за край одежды, лицо его было жалобно сморщено. — Помоги мне подняться.

Мрачные тени мгновенно рассеялись. Вэньли наклонился и, обхватив запястья юноши, помог ему встать.

— Ноги затекли? — спросил он.

Циньюй замер, не решаясь шевельнуться.

— Угу.

Вэньли тихо рассмеялся.

— Есть же табурет, чего не сел?

— Да я же торопился!

Что ж, уже начал огрызаться — и то хорошо. Пусть всё идёт не совсем так гладко, как он планировал, Вэньли был уверен: результат будет тем же. А что до тех, кто захочет воспользоваться добротой этого юноши... учитель никогда этого не допустит.

Ужин в доме Тао сегодня выдался богаче, чем на Новый год. Суп из старой курицы с целебными травами, острое мясо из фазана, вяленая свинина с чесночными стрелками — три мясных блюда за один раз, такого изобилия они не видели уже месяц.

— Цунлю, не стесняйся, ешь побольше, — радушно потчевал гостя старый Тао Юлян.

Вэньли уже не в первый раз сидел за их столом, и держался он на редкость естественно, словно был здесь своим человеком. Цинъюй, глядя, как вся семья заискивает перед учителем, недовольно поджал губы.

Внезапно в его миске оказался сочный кусок курятины. Юноша замер с набитым ртом. Вэньли посмотрел на него своими ясными глазами и мягко произнёс:

— Ты сегодня славно потрудился.

За столом послышались сдавленные смешки. Цинъюй покраснел и, уткнувшись в миску, пробурчал:

— Ешь давай, чего ко мне лезешь.

— Ты выглядишь недовольным.

Короткий смешок коснулся его слуха. Цинъюй под столом изо всех сил наступил Вэньли на ногу и прошептал:

— Замолчи!

— Хорошо.

Фан У, заметив поведение сына, хотел было что-то сказать, но передумал. Ладно, лучше потом с ним с глазу на глаз поговорить. С таким-то характером он после свадьбы этого бедного Цунлю со свету сживет!

После ужина семья Тао настойчиво предлагала Вэньли остаться на ночь, но тот вежливо отказался:

— Завтра спозаранку нужно быть в академии, боюсь, не успею.

Только тогда его отпустили. Фан У легонько подтолкнул сына, велел проводить гостя. А Сю уже ушёл запрягать повозку. Цинъюй шёл рядом с Вэньли, искоса поглядывая на него и не зная, что сказать.

У самой повозки Вэньли остановился.

— Завтра я уезжаю в академию Сюаньтун. Если что-то случится — ищи меня в переулке Цзиньфу. Если меня не будет дома, спроси А Сю.

— Да что может слу...

Договорить он не успел: в его ладонь опустилась тяжёлая связка ключей. Вэньли вглядывался в лицо юноши, скрытое ночными тенями, словно пытаясь запечатлеть каждую черту.

— Если пойдёшь в уезд продавать травы, не тащи их обратно, оставь в доме. Захочешь отдохнуть — заходи, не стесняйся.

Сердце Цинъюя испуганно ёкнуло, он попытался вернуть ключи:

— Как же так можно?

— Теперь ты мой фулан, отчего же нельзя?

— Но мы ведь...

«Разве это не просто сделка?»

Вэньли ласково провёл рукой по его волосам.

— Постарайся не ходить в горы один. Если приспичит — возьми кого-нибудь с собой, или позови меня. О свадебных хлопотах не беспокойся, я всё устрою сам.

Теперь они увидятся, только когда учитель вернётся на отдых — если, конечно, юноша сам не приедет в уезд. Мысли Вэньли были заняты только этим гээром. Он улыбнулся:

— Иди в дом, холодает.

Цинъюй сжал кулаки, чувствуя, как ключи впиваются в ладонь. Он не был глупцом и

прекрасно видел, какой заботой окружает его Вэньли. Пусть это была сделка, но если в неё вмешались чувства, не боится ли он прогореть?

Вэньли поднялся в повозку. Цинъюй, стиснув зубы, внезапно ухватил его за одежду. Учитель обернулся. В свете фонаря этот взъерошенный человек всё равно казался безупречно прекрасным, точно небожитель.

— Оденься потеплее, — выпалил Цинъюй. — В горах сейчас стужа.

С этими словами он разжал руки и, под смешливым взглядом А Сю, поспешно скрылся за воротами. Вэньли так и замер на месте. Лишь спустя долгое время у повозки раздался тихий, счастливый смех. Ветер колыхнул занавеску, словно откликаясь на трепет сердца.

Эр Юэ Эр

Эр Юэ Эр — Дракон поднимает голову; амбары полны, закрома не пустуют.

Весна возвращалась на землю, природа пробуждалась от долгого сна. С этого дня крестьяне выходили в поле — начиналась пахота и подготовка к севу.

Вечер выдался поздним. Когда Цинъюй вернулся домой, его третий дядя Тао Синван и дед Тао Юлянь занимались починкой инвентаря. Сломанное латали, старое — берегли, из обломков и запчастей собирая новую мотыгу.

Цинъюй присел рядом.

— Дедушка, может, купим новые инструменты?

— Ни к чему это, — улыбнулся старик.

Он выглядел бодрым, от былой хандры не осталось и следа. Весть о том, что старший сын скоро очнётся, вернула ему волю к жизни.

Юноша тоже улыбнулся. Он взял в руки серп и заметил:

— Глядите, этот совсем заржавел.

Тао Синван забрал его, осмотрел и пробасил:

— Ничего, подточим — ещё послужит. Будем пользоваться тем, что есть.

Так, пользуясь «тем, что есть», и проходил год за годом. Цинъюй наблюдал за их работой, подперев подбородок рукой и задумчиво глядя на пляшущий огонёк свечи.

В династии Дали гээру не выйти замуж было невозможно. Ему-то самому было всё равно, но семья не вынесла бы косых взглядов и пересудов за спиной. Раньше Цинъюй думал, что ему придётся просто смириться с судьбой. Но теперь... кажется, мириться ни с чем не придётся. По крайней мере, этот учитель Фан человек неплохой.

Да и собой хорош...

— О чём замечтался?

Юноша ойкнул от лёгкого щелчка по лбу и обиженно посмотрел на папочку:

— Опять ты дерешься.

— Это я-то дерусь? — Фан У ткнул его пальцем в лоб. — Говорил же тебе: будь поласковее с Цунлю, чего ты вечно характер показываешь?

Цинъюй за словом в карман не лез:

— Это кто тут у нас родной сын — я или он?!

— Ты только послушай, что он несет!

Бабушка Цзоу весело рассмеялась:

— У детей своя судьба. Нашему мальчику и так пришлось несладко, то, что он встретил Цунлю — божье провидение. Нечего нам в это лезть.

Почувствовав поддержку, Цинъюй так и сиял от гордости.

— Вот, слышал? Даже бабушка ничего не говорит.

— Ох, совсем тебя избаловали! — притворно возмутился Фан У.

Цинъюй потянул папочку за собой, заставляя сесть, и приткнулся головой к его плечу.

— Папочка, а вдруг ему именно такие и нравятся?

— Бесстыдник! — Фан У даже покраснел за сына.

Юноша, схваченный за ухо, запричитал:

— Да чего тут стыдного? Что я такого сказал?

Ян Цюэ тут же бросился на выручку:

— Ну всё, всё, оставь его. У молодых нынче свои порядки. Не тяни его за ухо, больно же.

— Все-то вы за него горой, смотрите, какой он у нас вырос!

Ян Цюэ пробурчал под нос:

— Будто ты сам за него не заступаешься.

Фан У с досадой отпустил ухо сына.

— Завтра в уезд собираешься?

— Собираюсь, нужно травы продать.

Те немногие лекарства, что он собрал, А Сю забрал с собой. Сказал, раз они всё равно едут в повозке, Цинъюю нечего тяжести таскать — завтра просто зайдет и заберёт всё. Юноша рассудил, что это и впрямь разумно, зачем лишний раз спину гнуть.

— Тогда я с тобой не поеду, — пробасил Тао Синван, не отрываясь от починки плуга. — Дел в поле невпроворот.

— Хорошо, я быстро: продам — и сразу назад.

Дни становились всё теплее. Когда Цинъюй шагал по большой дороге в сторону уезда, он видел, как на окрестных полях уже проклюнулись ростки рапса. Зелёные склоны были усыпаны редкими вкраплениями первых жёлтых цветов. Весенний ветер придавал им сил, и к марту эти поля поднимутся выше человеческого роста.

Поскольку спешить с товаром не нужно было, в уезд он добрался лишь к середине утра. Первым делом Цинъюй направился в переулок Цзиньфу. Стоило ему постучать, как дверь отворилась и на пороге показался А Сю с увесистой корзиной.

— Хозяин Сяо Юй, идём?

Цинъюй невольно заглянул ему за спину. А Сю усмехнулся:

— Господин в академию ушёл.

Лицо юноши мгновенно вспыхнуло.

— А я и не его ищу, — буркнул он.

— Да-да, конечно.

Лукавая улыбка А Сю заставила Цинъюя почувствовать себя не в своей тарелке.

— Давай я сам понесу, — настоял юноша, и А Сю пришлось уступить.

Заперев дверь, они вышли из переулочка и направились напрямик в лечебницу семьи Чжоу. Едва переступив порог, Цинъюй увидел Цинь Чжу, который склонился над прилавком. Рядом с ним стояла Чжоу Сяоу, тыча пальцем в какой-то свиток и что-то оживленно объясняя.

— А Чжу! — окликнул его Цинъюй.

— Сяо Юй! — Цинь Чжу вскинул голову, словно испуганная птица. — Сяо Юй, я так по тебе скучал!

Он хотел было броситься другу на шею, но на полпути его бесцеремонно перехватил за талию Чжоу Линьи.

— Не бегай, здесь полно народу, ещё упадешь, — проговорил он, ставя юношу на место и заботливо оправляя его одежду.

Маленький гээр послушно кивнул и, сияя от радости, снова прильнул к Цинъюю. Чжоу Сяоу

покосилась на старшего брата и зашептала с Сяолю:

— Он ведь это нарочно, да?

— Не видел я ничего, — буркнул тот, не отрываясь от сортировки лекарственных мешочков.

— Точно нарочно, — убежденно заключила Сяою.

Чжоу Линъи повернулся к гостю:

— Хозяин Сяо Юй, с чем пожаловал?

Сяою лишь сокрушенно покачала головой: раз суженого у друга увести не получается, так он решил самого друга спровадить. Уж слишком ревностно брат оберегал своё сокровище.

Цинъюй со смехом высвободился из объятий Цинь Чжу и, похлопав его по голове, велел стоять смирно. Он скинул корзину и пояснил:

— Насобираю в лесу трав, пришёл продать.

— Дай-ка взглянуть.

— И я посмотрю! — встрял Цинь Чжу, отпихивая Линъи.

Видя, как ладят эти двое, Цинъюй почувствовал искреннее облегчение.

Листья из корзины уже убрали, связки Цзисюэтэна лежали плотными рядами, а под ними обнаружались и другие находки. Чжоу Линъи сразу заметил корень Хэшоуу.

— Ого, почтенный возраст.

— Как думаешь, сколько ему? — спросил Цинъюй.

Чжоу Сяолю, завидев редкость, тут же бросил свои мешочки и подскочил поближе — ему ещё не доводилось видеть такой старый свежий корень.

— Сорок лет, не меньше.

Цинъюй успокоился и улыбнулся:

— Ну, тогда смотри сам, дай цену, какую сочтёшь нужной.

Юноша не в первый раз продавал здесь травы, поэтому Чжоу Линъи без лишних слов унёс всё на весы. Дендробиума вышло один цзинь и два ляна, Хэшоуу — два цзиня и шесть лянов. Спатолобуса — все тридцать цзиней, да ещё по мелочи: купена, лилия...

— Хэшоуу три года считается лекарством, а через семь лет становится сокровищем. Этому за тридцать... Если по нашей обычной цене, восемь лянов тебя устроит?

— Вполне, — согласился Цинъюй.

Цена оказалась выше, чем он рассчитывал — не обошлось, верно, без влияния Фан Вэньли и доброго отношения к Чжу-гээру.

— По остальному: дендробиум нынче дорог, сто двадцать вэней за цзинь. Спатолобус — по пять вэней... Итого за всё про всё — пятьсот вэней.

— Идёт.

Восемь лянов и пятьсот вэней — теперь-то денег на мальков хватит с лихвой. Закончив с делами, Цинъюй остался ненадолго в лечебнице, чтобы составить компанию другу. Заметил аккуратные иероглифы на бумаге у шкафа с лекарствами, он понял, что Чжоу Линъи учит Цинь Чжу разбираться в травах.

— Неужели в лекари метишь?

Цинь Чжу улыбнулся, и Цинъюй заметил, что его щёки стали ещё круглее.

— Да так, время скоротать, делом себя занять.

— Тоже верно, знания лишними не бывают.

— Угу! Я очень стараюсь.

Поболтав о пустяках, Цинь Чжу отвёл друга в сторону и шепнул:

— Сяо Юй, тут в уезде недавно кто-то о тебе расспрашивал.

Цинъюй окинул взглядом прохожих за дверью лечебницы и нахмурился:

— Кто именно?

— Кажется, из семьи Чжао.

Лицо юноши стало серьезным.

— Понятно.

Он строго наказал другу:

— Скоро начнётся весенняя пахота, в уезде я буду редко. Следи за собой и, если что услышишь — запоминай. Но помни: сам ни во что не лезь!

— Знаю я, не маленький! — отмахнулся Цинь Чжу. — Не волнуйся, за мной муж как за каменной стеной.

— Вот и славно, — улыбнулся Циньюй.

Расспросы семьи Чжао явно были делом рук той вздорной барышни, Чжао Ци. Циньюй трезво оценивал свои силы: против власти простому человеку не выстоять. Он решил, что в ближайшее время в уезд лучше не соваться — переждет бурю, не станет же дочь начальника сама к нему в деревню заявляться. Из-за этих вестей юноша не стал задерживаться и, попрощавшись, поспешил домой. В своей грубой одежде среди толпы он ничем не выделялся, разве что лицом был уж больно пригож.

Вернись, Циньюй первым делом припрятал серебро. Заглянул к отцу, перемолвился с ним парой слов и ушёл к себе отдыхать.

— Юй-гээр, — в комнату заглянул папочка Фан с миской мелкой рыбешки. — Отведай-ка, только пожарил.

Циньюй откусил кусочек — рыбка весело хрустнула, прожарившись до самых косточек.

— Вкусно! — зажмурился он от удовольствия.

Фан У присел рядом, внимательно разглядывая сына.

— Что-то ты сам не свой. Случилось что?

— Да нет, ничего. Просто думаю, не пора ли завтра за дикой зеленью сходить.

— В деревне-то, небось, всё давно до корней обглодали.

— Придётся, значит, за бамбуковыми побегами лезть.

Фан У ласково погладил его по голове и негромко вздохнул:

— Отдохнул бы ты, Юй-гээр, смотреть на тебя больно — весь измаялся.

Юноша перехватил его руку и прижался к ней щекой.

— Да что мне сделается? Я привычный, без дела сидеть не умею.

— Ну тогда хоть дома побудь, за отцом присмотри.

— Хорошо.

Минул Цзинчжэ — Пробуждение насекомых, и поля вокруг деревни Баопин заполнились людьми. У семьи Тао было десять му земли; за вычетом одного му под рапсом, всё остальное нужно было вспахать. Но вола у них не было, и плуг приходилось тащить на себе.

Без отца, главного кормильца и силы в доме, вся тяжесть легла на плечи третьего дяди. Каждый вечер, возвращаясь с поля, он без сил падал на скамью, не в силах вымолвить и слова. Видя это, Цинъюй не стал слушать уговоров папочки и сам вышел на пашню. В семье он оставался самым крепким, и если не он — то кто же их прокормит?

Так, в трудах от рассвета до заката, Цинъюй и думать забыл о городских тревогах. И когда Учитель Фан снова переступил порог их дома, юноша с удивлением осознал, как много времени пролетело с их последней встречи.

<http://bllate.org/book/15858/1500511>